

Всесоюзная Коммунистическая Партия (больш.)

ПРАВДА

Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б)

№ 159 (6405)

11 июня 1935 г., вторник

ЦЕНА 10 КОП.

НА РОДИНЕ ЧЕХОВА

Один избравший государственную деятельность, просвещенный европеец и литератор, путешествуя по Советскому Союзу, выразил желание посетить город Таганрог. В его записной книжке были помечены два достопримечательности города: памятник Александру I работы Мартоса и памятник Петру I работы Антокольского.

Об Александре I коротко и исторично-показательно сказал Пушкин:

Всю жизнь провел в дороге,
И умер в Таганроге.

Пушкин оставил еще и замечательную характеристику умершего в Таганроге паря:

Властитель слабый и лукавый.
Плешивый негодяй, враг труда...

Памятник пешеходному цезарю и врагу труда привлекал странствующего литератора в Таганрог. И надо сказать, что знавший иностранец в сущности был в этом не виноват. Он пользовался старым справочником-путеводителем, в котором было указано количество памятников, церквей, затем гимназия, дворцы, и это, пожалуй, все.

Может быть, в других источниках просвещенный европеец нашел бы данные о том, что в этом городе жил и учился русский писатель Антон Чехов. Полное собрание сочинений Чехова вышло не так давно на французском языке и имело большой успех. Следовательно, и по этой причине стоило бегом осмотреть городок, в котором три четверти века назад родился Чехов.

Но знавший путешественник так и не попал в Таганрог. Очевидно, не легко было приехать в город, лежащий несколько в стороне от больших железнодорожных путей. Об этом можно только пожалеть, потому что путешественник увидел бы, как врут старые справочники. Он увидел бы большой, индустриальный, чистый и красивый город.

«Враги труда», отцы города Таганрога, однажды отказали какому-то купчику в праве установить керосиновый двигатель. Они старались не допускать возникновения

в городе промышленных предприятий. Это был город мелкого и среднего купечества, полукапиталистический город, без всяких достопримечательностей, если не считать названных памятников. То обстоятельство, что в этом городе в 1860 году родился Чехов, пришло лишнее хлопоты отцам города. Они несколько не походили на просвещенных жителей семи владических городов, которые спорили из-за места рождения Гомера. Не без труда несколько интеллигентов добились того, что по Полцейской улице, на стене дома Гнутова, была прибита памятная доска: «Здесь родился Чехов».

Теперь в этот дом, в глубине двора, стайками ходят школьники-аккурсенты. Тем временем в внешнем садике терпеливо дожидаются парасольки, потому что три комнаты дома настолько тесны, что могут вместить не более двенадцати человек сразу. Школьники разглядывают старые «репизские сказки», документы, свидетельствующие о том, что отец Чехова, бывший крепостной человек, за три тысячи откупился от помещика.

Здесь, в этих трех низеньких и тесных комнатах, можно соорудить себе быт старого Таганрога: бочка для пресной воды, керосиновая лампа, глиняный пол в кухне, бочка для морской воды. Пресную воду берегли—это была поистине драгоценная влага: в городе не было водопровода.

Самовар, бедная утварь, семейные фотографии. Это—быт скромных, ограниченных в средствах людей, семьи чужаков в купеческом и чиновничьем городе. И 75 лет назад в этой семье, и в этом городе родился писатель, о котором взыскательный Л. Н. Толстой сказал, что он, Чехов, для русской прозы сделал то, что Пушкин сделал для поэзии, «особенно в области формы». Здесь родился писатель, который гениально обогатил провинциальную таганрогскую жизнь и показал ее в незбываемых типах Пришибеших, одолеточных Очумелых, Хамелеонов и «Душечек», честных купцов Лопухиных и Варламовых

и еще во множестве типов старой дореволюционной России.

Снято полотно еще со вновь открытого бюста, Чехов глядит на множество людей, заполнивших садик бывшего дома Гнутова. Но садик сразу пустеет—по главной улице Таганрога, мимо трибуны, идут физкультурники. Они шагают по облетевшим белым серкам акации, устилающим асфальт. Они бросают пшоны в сторону трибуны.

Конечно, в Москве эти шествия и парады выглядят грандиознее. Конечно, есть разница в масштабах между Москвой и Таганрогом. Но если взглянуть в колонны, проходящие мимо трибуны по главной улице, если сравнить два Таганрога—новый и старый,—то трудно говорить о простом росте, нужно говорить о взлете, стремительном прыжке, подобном рому, который показывали на стадионе физкультурники.

Четверть века назад так же цвели акации, весна в этих местах была так же прекрасна. Но таганрогские улицы были пустынями и грязью. Откуда же вылезли теперь эти десятки тысяч улыбающихся, уверенных в себе, чувствующих собственное достоинство, веселых и радующихся весне и празднику людей? Лучшие из них смотрели спектакль Московского художественного театра, участвовали в физкультурном параде и олимпиаде городской самодеятельности в летнем театре парка культуры.

— «Неаполитанский секстет» — семья Дудниковых, — принужденно объявляет с эстрады слесарь-конферансье в белоснежном костюме, и выходит рабочая семья и играет марш, который поет вся страна, и слесарь-конферансье так же принужденно объявляет, что Дудниковы раньше было семеро, но сейчас самый младший начал учиться игре на скрипке и еще не позволял себе выступать.

Рабочие завода имени Дзержинского — три крафт-акробата. Этот номер не стыдно показывать в любом столичном цирке. Но здесь он принят потому, что это не профессиональные акробаты, это—рабочие люди, ко-

торые замечательно сделали, чисто и непринужденно, трудный акробатический номер.

Несколько дней продолжались торжества в память рождения в Таганроге великого русского писателя. Приехавшие на столы гости ходили по заводам, где работали участники олимпиады: Дудниковы, Костылевы, Аккопыны, Пришибы. Они рассматривали мощные новейшие машины и механизмы, они видели чистенький, нарядный город в зелени и цветах, и статуи в парках, и музеи, библиотеки и выставочники.

«Большее всего мне понравилось на выставке модель-трамвая», — написала шестилетняя девочка в книге почетных посетителей выставки старого и нового Таганрога. Трудно сказать, что более понравилось жителям Таганрога: выстроенный за эти два года трамвай или водопровод, о создании которого в свое время напрасно заботились их эммак Чехов. Или продукция кожевенного или металлургического заводов. Но гости более всего понравились люди, таганрогские пролетарии—от девушки, управлявшей могучим краном, до новых «отцов города». Не надо из лишней скромности замалчивать успех их двухдневной работы.

Что народ знал о старом Таганроге? Старинную песню:

«Эх, да в Таганроге, ах, да в Таганроге случилась беда —

Там убили молодого казака...»

Смысл продолжения чеховских дней в Таганроге заключается в том, что литературное событие, 75-летие со дня рождения большого писателя, является в народное, большое общественное событие. Пролетарии Таганрога и края, и всей нашей страны, на примере культуры взрослого индустриального города увидели отличный пример, который сделался для страны. Они увидели, как далеко вперед отстали дореволюционная Россия, которую с такой горечью и так уничтожительно критиковал замечательный писатель Антон Чехов.

Л. НИКУЛИН.